

СУПЕРАГЕНТ ДРОНГО

ЛЕГЕНДА РОССИЙСКОЙ БОНДИАНЫ

Чингиз Абдуллаев

***ЗЕРКАЛО
ВАМПИРОВ***

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.
А13 Зеркало вампиров / Чингиз Абдуллаев. —
Москва : Эксмо, 2024. — 512 с. — (Суперагент
Дронго. Легенда российской бондианы).

ISBN 978-5-04-203711-5

Найти убийцу популярного телеведущего поручают Дронго, асу-криминалисту, не ведающему жалости и страха. Он вступает в игру, когда другие бессильны. Расследуя убийство, Дронго словно спускается в ад — пытки, беспощадные схватки, предательство и смерть проходят перед его глазами. Кровавый след ведет его туда, где нет места ни состраданию, ни любви, ни чести. Но отступить он не умеет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)-44

ISBN 978-5-04-203711-5

© Абдуллаев Ч.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

*Ты уже не будешь брать все явления мира
из вторых или третьих рук,
Ты перестанешь смотреть глазами давно
умерших или питаться книжными
призраками,
И моими глазами ты не станешь смотреть,
ты не возьмешь у меня ничего,
Ты выслушаешь и тех и других
и профильтруешь все через себя.*

*Уолт Уитмен
«Песня о себе»*

Начало

Он сидел в комнате, когда к нему вошел тот, кого он ждал. Ждал с нетерпением и непонятным волнением. От их встречи зависела не только их судьба, но и судьба третьего человека, которому они должны были вынести свой приговор, не выслушав ни самого подсудимого, ни обстоятельств, смягчающих или исключающих его вину, ни защитников, которые могли бы рассказать о жертве немало хорошего.

Сидя в большой комнате напротив друг друга, они говорили о каких-то мелочах, вспоминали общих знакомых, подсознательно готовясь к главному разговору, который и должен был определить судьбу третьего.

Собеседники понимали исключительность принимаемого ими решения. Человек, участь которого они собирались решить, слишком известен и популярен, чтобы можно было надеяться на безнаказанность. Нельзя надеяться и на сокрытие того, что должно было произойти.

Это был самый настоящий вызов, и оба понимали, что в случае провала или какой-нибудь небрежности им придется отвечать по полной программе.

И тем не менее они принимали решение сознательно и твердо, полагая, что никакого иного варианта не существует. Жертва мешала не просто им двоим, они не просто сводили личные счеты. Это решение давалось им нелегко, но без исполнения его было невозможным дальнейшее нормальное существование обоих.

Они были нормальными людьми, в том смысле, в каком это определение признано практикующими психиатрами. Оба собеседника не были ни параноиками, ни садистами, ни душевнобольными в медицинском смысле. Однако оба были больны, и больны тяжело. Это была особая болезнь, сочетающая в себе равнодушие к чужой боли и чужой жизни, неумение сострадать чужому горю и чужой смерти. Оба понимали, что жертва необходима. И, как жрецы в ожидании кровавого жертвоприношения, старались не напоминать друг другу о том, что жертвенные ножи уже наточены, а алтарь должен окраситься кровью живого человека.

За все время разговора они не сказали ни слова о будущей жертве, но оба помнили о том, чья участь была обговорена и решена еще несколько дней назад. В конце встречи один из участников беседы поднял телевизионный пульт и включил телевизор. На экране появился всеобщий любимец, журналист, чье лицо было знакомо миллионам людей. Его передачи были

популярны, он неизменно входил в число лучших тележурналистов страны.

— Выступает, — усмехнулся первый.

— Хорошо выглядит, — сказал второй.

— Он талантливый журналист, — почему-то заметил первый.

— Ему нужно было заниматься только своим делом, развлекать людей, — добавил второй.

Первый согласно кивнул и выключил телевизор. Экран потух, и теперь на нем зияла черная пустота.

— Как хорошо работают эти телевизоры, — с удовлетворением констатировал первый, — легким нажатием кнопки можно регулировать их включение и выключение.

Второй засмеялся. Он понял аллегория и не стал ее комментировать. Участь жертвы была решена. И теперь уже никто не мог отменить отданного приказа. На алтаре должно было совершиться жертвоприношение. И собеседники уже думали об этом, как о свершившемся факте.

Глава 1

— Добрый день, — он улыбался немного застенчиво, как обычно улыбаются новички, впервые попавшие в большой коллектив.

— Привет, — кивнул пробежавший мимо журналист, — ты, видимо, Павел Капустин?

— Да. Меня прислали...

— Знаем, уже слышали. Иди в ту комнату.

Там тебя ждут, — показал журналист и уже на бегу крикнул: — Удачи тебе, Павел.

Он оглянулся. Вокруг суетились люди, спешили куда-то две девушки с очень независимым видом, важно шествовал известный актер, горделиво наклоняющий голову при приветствиях. На телевидении шла обычная работа, все суетились, нервничали, бегали, кричали, выясняли, куда пропал тот или иной журналист, — в общем, это был обычный день на телестудии. Но это был исключительный день для Павла Капустина, впервые переступившего порог этого здания и готового начать новую жизнь. Он постучал в дверь. Никто не ответил. Он снова постучал. Опять молчание. Павел оглянулся. Он не мог ошибиться. Здесь только одна дверь.

Немного подумав, он приоткрыл ее. В большом кабинете никого не было, но за перегородкой, разделяющей пространство комнаты пополам, слышались чьи-то голоса, веселые восклицания, смех. Он прикрыл дверь и двинулся вперед, чтобы увидеть наконец хозяев кабинета.

На большом кожаном диване сидел известный журналист, тот самый, чье лицо уже давно примелькалось на телевизионных экранах. Журналист был талантливым человеком и умелым организатором, он постепенно сделал свои программы самыми дорогими шоу на телевидении. Возглавлял он как раз тот канал, на котором и должна была состояться будущая карьера Павла Капустина.

Увидев Капустина, он отвернулся и продол-

жал о чем-то весело говорить с миловидной блондинкой, сидевшей рядом с ним. Оба натянуто улыбались, блондинка благосклонно кивала головой. Павел негромко кашлянул. Оба собеседника скользнули по его лицу абсолютно равнодушными глазами и продолжали свою беседу. Это было немного обидно, и он покашлял сильнее. Собеседники не могли не видеть его. Но оба предпочитали делать вид, что не замечают новичка. При этом они разговаривали преувеличенно громко и весело, словно актеры на спектакле, четко выговаривающие слова, чтобы они были слышны и зрителям, сидящим на галерке.

— Простите, — наконец громко сказал Павел, и в этот момент журналист взмахнул рукой.

— Ну сколько можно! — закричал он, глядя на новичка. — Опять какой-то идиот сорвал передачу.

Только теперь Павел с ужасом заметил в углу телекамеру, стоявших за ней операторов и наконец понял, почему здесь был установлен такой сильный свет, высвечивающий диван с обоими собеседниками.

— Извините, — пробормотал он, делая шаг назад.

— Извини, Света, — покачал головой журналист, — опять сорвали. Начнем заново. Ты немного отдохни. — Он поднялся с дивана, прошел за перегородку к большому столу. Взглянув на Павла, он недовольно покачал головой.

— Из финансового опять за отчетом пришли?

— Нет, — испуганно ответил Павел, — я к вам.

— По какому вопросу? — нахмурился журналист.

— Вот тут у меня направление. Я Павел Капустин, меня прислали к вам, — сказал он, протягивая лист бумаги своему именитому собеседнику. Тот взял бумагу, нахмурился, потом улыбнулся. Он был высокого роста, красивый, ладно скроенный. Такие открытые лица обычно нравятся женщинам и вызывают симпатию у мужчин. Его имя гремело не только в Москве, а лицо было родным и знакомым миллионам людей, живущих на всем пространстве бывшей огромной страны, куда транслировались передачи их канала. Журналиста звали Алексей Миронов, и был он известен всем как Леша Миронов, хотя ему было уже почти сорок лет.

— Чего же ты не сказал, что новичок? — улыбнулся Миронов. — Я когда впервые на телевидение попал, вообще как очумелый ходил две недели.

— Я не видел, что у вас идет съемка, — пробормотал Капустин.

— Внимательнее нужно быть. В армии был?

— Да, два года, как положено. В Афганистане служил.

— Чего же тебя там внимательности не научили? — засмеялся Миронов. — Сколько тебе лет?

— Двадцать семь.

— Солидно. А где работал до телевидения?

— Где придется, — пожал плечами Капустин, — вообще-то я работал оператором на киностудии. Но там уже два года ничего не снимают. Вот я и решил к вам податься.

— Правильно решил. Кино они еще сто лет там снимать не будут, а у нас здесь живая работа. Подожди, подожди, — вдруг вспомнил Миронов, — документальный фильм о штурме Грозного с Арпухиным ты делал?

— Ну я, — кивнул Капустин.

— Классная работа, — уважительно сказал Миронов. — Ты ведь свой фильм под пулями снимал. Очень классная. Так ты и есть тот самый Павел Капустин? Ну, брат, ты же человек опытный, две войны прошел, а здесь съемки не заметил. Ладно, ничего страшного. Тебя Арпухин очень хвалил, вот мы и решили тебя попробовать.

Капустин молчал.

— Давай, я подпишу твои бумажки, и иди в отдел кадров оформляйся, — решительно сказал Миронов. — Такие операторы, как ты, нам очень нужны.

Он размашисто подписал бумагу, протянул ее новичку. Капустин взял бумагу и уже собрался выйти, как Миронов окликнул его:

— Павел, за «идиота» я извиняюсь. Я ведь не знал, что ты новичок.

— Ничего, — пробормотал Капустин, — я просто ошибся.

Он вышел из комнаты, столкнувшись в две-

рях с невысоким человеком неопределенной внешности и возраста.

— Зарезали! — закричал человечек истощенным голосом. — Без ножа зарезали! — Павел уже закрывал дверь, когда услышал строгий голос Миронова:

— Опять не получилось?

— Переставляют программы, — ответил ворвавшийся в комнату. — Я ведь говорю, что зарезали. Они всегда... — Дальше Павел уже не слышал. Он привык к хаосу съемочного процесса и сумбуру во время работы. Но, похоже, на телевидении все это усиливалось стократно и было неотъемлемой частью самого процесса творчества.

— А я ему говорю, что он ничего в этом не понимает, — гневно сказала прошедшая мимо Павла маленькая женщина лет шестидесяти. Она обернулась на Павла, внимательно посмотрела на него, потом еще раз обратилась к своему собеседнику и, топнув ножкой, повторила:

— Ничегошеньки он не понимает, — и пошла дальше, не обращая внимания на реакцию собеседника. Тот был очень высокого роста, под два метра, немного сутулый, как и все очень высокие люди. Он слушал, наклонив голову, и, когда женщина отошла от него, тихонько вздохнул и направился в другую сторону. Павел решил не выяснять у него, где именно находится отдел кадров, понимая, что в таком состоянии человека лучше не тревожить.

Оформление на работу оказалось не столь простой процедурой, как ему представлялось.

Пришлось потратить полдня, обегав еще несколько кабинетов и собрав подписи неизвестных ему главных и генеральных директоров. Только к четырем часам дня он наконец услышал от сухой жесткой женщины в отделе кадров, что может считать себя принятым. Женщине было лет сорок, не больше, но она почему-то смотрела на него как на своего личного врага и разговаривала, не открывая рта, словно экономила воздух, предпочитая говорить сквозь зубы. Впрочем, и к другим посетителям она обращалась точно так же, и данное обстоятельство как-то успокоило Павла.

В половине пятого он почувствовал, что проголодался. Спустившись вниз, в буфет, он увидел сидевшего за столом Алексея Миронова, ту самую актрису Свету, с которой тот беседовал, и еще двух неизвестных ему мужчин. Один, с большой, густой бородой, словно собирался исполнять роль боярина средневековой Руси. Правда, на роль его могли не утвердить из-за большого семитского носа и хитрых, маленьких прищуренных глаз. Второй, напротив, был чисто выбрит. При этом он умудрился выбрить не только лицо, но и всю голову, блестящую, как идеально выточенный круглый шар.

— Павел, иди сюда! — закричал Алексей, увидев Капустина. И когда тот подошел, он показал на новичка, представляя его: — Павел Капустин, гениальный оператор и смелый человек, несмотря на свой молодой возраст. Он снимал фильм о чеченской войне. Тот самый

фильм, о котором я тебе говорил, Аркадий. — Бородатый Аркадий кивнул головой, протягивая свою огромную ладонь. Остальные просто кивнули, и Павел сел рядом с Аркадием.

— Знакомься, — кивнул Миронов на свою компанию. — Это Аркадий, человек неопределенных занятий, философ и писатель. Любимое место на стуле в пресс-клубе, где-нибудь в задних рядах, чтобы подавать неслышные звукооператорам реплики. Это наша Светочка. Я думаю, ее представлять не нужно. Ее и так знают все мужчины нашей страны, которые сходят с ума из-за ее фигуры.

Светлана довольно улыбнулась, но никак не прокомментировала эту фразу.

— А это Сергей Монастырев, самый главный критик на телевидении, — показал на обритого парня Миронов, — он очень строгий и принципиальный человек. Но легко поддается на уговоры. Если ты хочешь с ним дружить, то можешь поставить ему банку пива с воблой, и он твой друг навсегда.

Все расхохотались. Любовь Монастырева к пиву была предметом постоянных шуток. Монастырев однажды на спор выпил двадцать две кружки пива и с тех пор считался признанным чемпионом по этому виду «соревнований».

— Сегодня я угощаю, — пробормотал Павел, — у меня первый рабочий день.

— Твой первый рабочий день будет только завтра, — весело возразил Миронов, — и не будь дураком. Твоей зарплаты с трудом хватит на то, чтобы прокормить только тебя в этом бу-

фете. Если ты еще будешь угощать и других, то вылетишь в трубу через несколько дней. Здесь сейчас цены не профсоюзные, а коммерческие.

— Учту, — буркнул покрасневший Капустин.

— Хорошо, что ты пришел, Павел, — продолжал Миронов, — теперь мы с тобой будем работать в одной упряжке.

— Он еще не знает, что значит работать с тобой в одной упряжке, — пробормотал Монастырев, — все соки из него выжмешь.

— И выжму, — весело согласился Миронов, — обязательно выжму. У нас грандиозные планы на будущее. Обязательно выжму. И не забудь, Серега, что у нас завтра встреча с очень интересными людьми.

— Я помню, — кивнул Монастырев.

— Ты ведь обещал поехать со мной на этот просмотр, — встрепенулась Света, — уже забыл?

— Ничего я не забыл. Я позвоню и скажу, чтобы нас подождали. Мы с тобой еще туда успеем.

— Миронов, где вы пропадаете, — ворвалась в буфет молодая девушка, — мы ищем вас по всему зданию.

— Вот так, не дадут нормально расслабиться, — вздохнул Миронов, — ладно, пойду, посмотрю, что там опять случилось. Похоже, ребята, вам придется посидеть без меня. Валечка, — позвал он буфетчицу, — ребята сидят за мой счет.

— Все ясно, Алексей Станиславович, —

улыбнулась буфетчица, — как обычно. — Миронов поднялся и вышел из буфета.

— Учти еще одно обстоятельство, — желчно улыбнулся Монастырев, — бесплатного пива не бывает. А бесплатный сыр только в мышеловке. Раз он платит за тебя, значит, уже готов выдать из тебя все возможное. Платит он хорошо, но и пахать заставляет будь здоров.

— Ты чего пугаешь парня, — пробормотал Аркадий, — у него первый день сегодня, а ты его пугаешь.

— Вообще-то я не из пугливых, — улыбнулся Павел.

— Пусть привыкает, — отмахнулся Монастырев, — в нашем деле прыгать в дерьмо нужно сразу. Иначе потом бывает противно.

— Вечно ты ругаешься, — заметила Света. — Не обращайтесь на него внимания, Павел, он всегда всем недоволен.

— Знаешь, как называют наше телевидение? — спросил Монастырев. — Зеркало для вампиров. Стоящий перед зеркалом вампир не должен в нем отражаться. Он невидим в зеркале, тогда как все остальное там четко видно. Вот твоя работа и будет состоять из того, чтобы несчастные жертвы-зрители не разглядели вампира, который стоит рядом с ними, замечая все.

— Какой ужас, — засмеялась Света, — вечно у него такие страсти-мордасти.

— Тебе еще нужно познакомиться с Мишей, заместителем Алексея. Вот тот действительно не любит никаких шуток по поводу своей работы, — заметил Монастырев. — Он считает, что

выполняет здесь функцию государственного комиссара.

— Мы опаздываем, — посмотрел на часы Аркадий. — Будь здоров, Павел, и не принимай всерьез все, что тебе здесь говорят. Половина — обычная трепотня.

— Зато другая половина — правда, — про-
бормотал Монастырев, поднимаясь следом за ним. Светлана улыбнулась новичку на прощание.

В этот день Павел возвращался домой позже обычного. Заехал к знакомой девушке — Кате. С ней они встречались уже больше года. У нее сильно болела мать, и он заехал «отдать долг вежливости», понимая, что сегодняшнее свидание отменяется. В свою комнату в большой коммуналке он вернулся к девяти часам вечера. Соседи уже успели привычно посудачить, поспорить и разойтись по своим комнатам. Эта была одна из немногих коммуналок, доживающих свой век в центре Москвы. С начала девяностых годов подобные квартиры прибирали к рукам строительные фирмы, расселяя жильцов в отдельные малогабаритки. После соответствующего «евроремонта» бывшие коммуналки превращались в «среду обитания» очень богатых людей, охотно покупавших их.

Он привычно включил телевизор и увидел мрачное лицо диктора. Тот о чем-то говорил, но Павел, не разобравшись, о чем именно, вышел в ванную. Когда он вернулся, уже показывали художественный фильм из новых, и он разочарованно отвернулся, примерно представ-

ляя, чем это зрелище может закончиться. В последние годы фильмы снимали исключительно о проститутках, убийцах и наркоманах. Он привычно включил кипяtilьник, собираясь попить чайку. И в этот миг в дверь постучали.

Павел быстро убрал кипяtilьник. Соседи не любили подобных приборов, считая, что они могут стать причиной пожара или слишком большого перерасхода энергии. Сунув кипяtilьник в тумбочку, он пошел к двери. На пороге стояла Варвара Александровна, которую он давно и тихо ненавидел. Эта женщина, казалось, была создана именно для того, чтобы отвращать жизнь соседям и знакомым. Она строго усталилась на Павла.

Она всегда подозревала его в самых ужасных преступлениях, проверяя, не оставляет ли он свет в туалете или ванной комнате, убирает ли за собой в кухне. Более того, она бдительно следила, чтобы их квартира не превратилась в «бардак», по ее выражению.

— Добрый вечер, — устало поздоровался Павел, — что случилось?

— Мы собираем деньги на электрика, — строго сказала Варвара Александровна. Она говорила почти басом, всегда четко выговаривая слова, словно читала лекцию нерадивым ученикам. Впрочем, раньше она была воспитательницей в детском доме, и привычка поучать осталась в ней на всю жизнь. Под носом у нее темнела полоска усов. Муж ушел от Варвары Александровны много лет назад, и она жила со

своей сестрой, занимая две лучшие комнаты в квартире.

— Опять? — удивился Павел. — Мы же собирали месяц назад.

— У нас опять сгорела проводка. Кто-то пользуется дополнительными электроприборами, — сообщила соседка и тут же уточнила: — А вы не знаете, кто?

— Нет, конечно, — пробормотал Павел. — Можно, я заплачу завтра? Я получу расчет на киностудии и заплачу.

— Вы ушли с работы? — подозрительно спросила Варвара Александровна. — А на что вы теперь будете жить?

— Я не ушел с работы... — Спорить или возмущаться не было никаких сил. Да и бесполезно. Павел знал это по собственному опыту. — Я перешел работать на телевидение.

— На наше телевидение, — фыркнула соседка, — там один разврат и обман. Ничего хорошего. Вас взяли работать на телевидение?

— Да.

— И вы будете теперь вести передачи? — удивленно спросила она.

— Нет, меня взяли оператором.

— Я так и думала. Для ведущего вы слишком нетелегеничны, — победно заявила Варвара Александровна, — но вообще-то это гнусное место. Вы напрасно ушли с киностудии.

— Я как-нибудь обойдусь собственным умом, — рискнул пробормотать Павел.

— Не хамите, молодой человек, — сразу же перешла в наступление Варвара Александров-

на, — у вас ведь временная прописка в столице. И учтите, что мы вас с трудом переносим.

Он почувствовал, что сейчас не выдержит, но следующие слова соседки ошеломили его.

— Это еще и опасно, — сказала она. — Сегодня вечером убили Алексея Миронова. Он, по-моему, был единственным приличным человеком в этой компании и...

Увидев его ошеломленное лицо, она замолчала. Он повернулся, взглянул на часы. Сейчас по другому каналу должны передавать новости. Он бросился к телевизору, забыв закрыть дверь, переключился на другой канал. И увидел лежащего на полу подъезда Алексея Миронова. Ведущий скорбным голосом сообщал, что сегодня в подъезде своего дома убит известный тележурналист Алексей Миронов. Камера крупно показывала убитого.

— Не может быть, — выдохнул Павел, — не может быть...

Он продолжал что-то бормотать, соседка испуганно заглянула в комнату. Она хотела что-то добавить, но когда он повернулся и она увидела его лицо, то внезапно поняла, что ей лучше молча удалиться. Что она и сделала. Павел продолжал стоять перед телевизором, слушая подробности о смерти Миронова.

Через два дня были похороны. Павел стоял в огромной толпе журналистов, пришедших отдать последний долг убитому коллеге. Выступали потрясенные преступлением друзья погибшего, уже была сформирована специальная группа для расследования убийства, в нее вошли со-